

**АНТИНОМИЧНАЯ ПРИРОДА ПОЛА И ЛЮБВИ
В ФИЛОСОФИИ С. Н. БУЛГАКОВА**

*Работа представлена кафедрой философии Курского государственного университета.
Научный руководитель - доктор философских наук, профессор Т. В. Торубарова*

В статье исследуется учение об Эросе С. Н. Булгакова. Согласно Булгакову, пол имманентно и изначально присущ человеку, поскольку является отражением предвечной космической двуполости, однако в рамках эмпирической действительности жизнь пола исполнена трагических противоречий. Ключ к пониманию и преодолению этих противоречий дает концепция христианского андрогинизма.

The article explores S. N. Bulgakov's doctrine of Eros. According to Bulgakov, gender is an intrinsic and defining characteristic of a human being as it reflects the eternal bisexuality; however, in empirical reality, actual gender experience is full of tragic contradictions and tensions. The concept of androgynism developed in Christianity proves to be key in understanding and reconciling those contradictions and tensions.

Вопрос о человеке, о его сущности есть вопрос первостепенный и предельно важный. Прежде чем мы сможем вопрошать о смысле и сущности мироздания, выражением коего является все многообразие чувственно воспринимаемого нами универсума, мы с необходимостью должны найти какое-либо позитивное разрешение вопроса о природе и сущностных особенностях бытия микрокосма - человека. Но если мы всерьез задумаемся над этой проблемой, то увидим, что нет вопроса более важного и вместе с тем и более сложного, нежели вопрос: «Что есть человек?» С какой стороны подойти к его разрешению? «Самая непонятная сторона в человеке - его сторона... любовная»¹, - совершенно справедливо замечает З. Н. Гиппиус, в то время как выдающийся русский философ Н. А. Бердяев прямо констатирует: «Основной для антропологии является проблема пола»². Кроме того, по причине чрезвычайной тонкости всего связанного со сферой пола в человеке именно эта сфера подвержена наибольшей профанации и искажению. Как христианский богослов Булгаков не мог оставить без внимания выпады в сторону христианства по поводу его «лицемерного» и «ханжеского» (Розанов) отношения к проблемам пола и любви. Этот вопрос действительно важен и сложен, он с неминуемой неотвратимостью встает перед каждым мыслящим человеком, и каждый вынужден каким-то образом его для себя разрешать. Тем более явной и вопиющей становится в силу всего этого непонятность и двусмысленность Книги книг именно в отношении этих «проклятых вопросов».

Булгаков хорошо понимал глубокую и всепроникающую антиномичность христианства, много писал об этом, и в вопросах, касающихся тендерной основы человеческого существа, он начинает с того, что постулирует изначальную базисную антиномию, некую отправную точку, от которой исходит и коей определяется все своеобра-

ние, а вместе с тем и столь бесконечно глубокая трудность и противоречивость всего, что связано с полом в человеке. Он пишет так: «Соединение полов, зачатие и рождение, есть, по изначальному определению Божию, норма пола. Греховный человек не знает этого соединения в его чистоте. Сила греха ни в чем не сказывается с такой остротой, как в отношениях наиболее интимных и нежных, и тени его сгущаются здесь обезображивающими пятнами. Благодаря греху между полом и половым чувством, или сексуальностью, устанавливается напряженный и жгучий антагонизм»³.

С самого начала мы оказываемся перед парадоксом: с одной стороны, есть норма, то, что должно быть, а с другой стороны, мы вынуждены осознавать себя в эмпирической действительности, глубоко отличной от этого должного порядка, искаженной и обезображенной грехом. Человек не знает нормы, как не знает и того, каким был весь этот мир в целом до вселенской катастрофы грехопадения и каким он должен быть. Об этом мы можем лишь смутно догадываться. Кроме этого, Булгаков разделяет такие понятия, как «пол» человека, его половую природу и «половое чувство» или «сексуальность», между которыми, как он говорит, существует ныне «напряженный и жгучий антагонизм», столь фундаментально характеризующий нашу действительность. Понять взаимосвязь и различие, сущность этих взаимоувязанных явлений очень важно. Однако эта взаимоувязанность ^ весьма непроста, и Булгаков признает это. «Сексуальность еще не есть пол и даже может стать отрицанием его высшего начала, но она в то же время и неотделима от пола, который не существует без нее, как огонь - без горючего материала. Пол, нераздельно связанный с сексуальностью, дает огонь жизни, а потому есть положительная и благая сила. Но в то время *борьба за пол* необходимо является и *борьбой с сексуальностью*»*.

Пол есть глубокое, внутренне присущее человеку качество, неотделимое от него. Вне пола человек немислим, как немислим он вне личности. Сексуальность же только некое *внешнее* выражение присущей человеку тендерной стихии, и выражение отнюдь не единственно возможное. Поэтому весьма важно правильно понять булгаковское замечание о том, что пол не существует без сексуальности как без горючего материала. Пол имманентно и изначально присущ человеку, он есть отражение предвечной космической двуполости. Сексуальность питает и движет его в рамках нашей посюсторонней действительности, но отсюда отнюдь не следует делать вывод о том, что вне сексуальности пол уже не будет существовать. Очень глубоко понимал это Н. А. Бердяев: «Пагубной ошибкой было бы отождествлять, как это нередко делают, пол с сексуальным актом. Отрицание сексуального акта не есть отрицание пола. <...> Жизнь пола возможна и без сексуального акта и даже гораздо более напряженная. Сексуальный акт, сексуальная функция победимы, но пол непобедим»⁵. Сексуальность - только частное выражение стихии пола, и выражение отнюдь не единственно возможное, вполне можно предположить, выражение как раз и связанное с греховным искажением тендерной природы человеческого существа. В этой связи становится понятным утверждение Булгакова об антагонизме между полом и сексуальностью - грех как метафизическая болезнь человека вносит коренную дезинтеграцию в функционирование пола и в отношении человека к полу. Сексуальность как раз и есть это *недолжное, искаженное* отношение человека к полу. И в этом контексте весьма важно и ценно то, что Булгаков говорит о личности и о поле как о сферах взаимосвязанных и равнозначных, отождествляя обезличение, утрату человеком личности и утрату им пола, половой дифференцированности.

Булгаков ссылается на ап. Павла и прямо указывает на то, что именно наша падшая и искаженная грехом сексуальность есть первая и самая главная причина непонимания и мучительных дисгармоний, связанных с полом. В нашей эмпирической действительности сексуальность неминуемо принимает такую форму, что слишком часто ведет к отрицанию и разложению пола в человеке.

«Жизнь пола в фактическом ее состоянии, как бы она ни протекала, имеет печать трагической безысходности и антиномической боли. <...> Духовно-телесное соединение двух в одну плоть, как оно дано в норме творения и как оно хотя бы слабо предощущается в браке в меру духовного возраста супругов, связано в то же время и с чувством разъединения, убийства, тоски по утрате чего-то дорогого и чистого»⁶. Вновь русский философ говорит о *норме творения* в отношении пола и эксплицирует ее как духовно-телесное соединение двух в одну плоть, отсылая нас к древней орфической и библейской интуиции об изначально андрогинной природе человека. Булгаков развивает концепцию христианского андрогинизма, утверждая в противовес платоновской традиции, что распад единого перво-человека на мужскую и женскую индивидуальности не был следствием какой-то роковой случайности или чьей-то злой воли, но, напротив, *был необходим*. Первочеловек Адам, заключавший в себе Еву, не мог иметь с ней полноценного общения - она была скрытой возможностью имплицитно присущей андрогину женственности, его тоска по которой и требовала ее неременной объективации, что в ответ на желание Адама и исполнил Господь. Однако далее Булгаков соглашается с Платоном и его последователями, утверждая, что для восстановления человека в его полноте необходимо воссоединение женской и мужской индивидуальности, но именно *воссоединение* - взаимовосполнение в бытии двух всесторонне

различных индивидуальностей, а не просто неразлично-безличное единство.

Булгаков постоянно подчеркивает трудность и сложность *достойного* пути любви, противоречивость и антиномичность этого пути, и именно поэтому он вновь и вновь непрестанно говорит, обращаясь к вопросам любви, что «ее антиномии не должны быть ни смягчаемы, ни устраняемы обходами и изворотами»⁷. Это действительно важно, потому как только посредством признания и понимания этих антиномий мы можем надеяться если не на успешное достижение изначальной нормы, то хотя бы на некоторое к ней приближение.

В русской философии пола одним из самых важных и болезненных был вопрос о соотношении истинной любви и физиологической составляющей этого явления, в частности деторождения. Для большинства русских философов здесь характерен если не чистый спиритуализм, то как минимум некое принижение и девальвация этой стороны. Булгаков находит принципиально иное решение. «Заповедь размножения не связана с грехопадением, она дана *до* него, и не с тем, конечно, чтобы нарушить целомудренную чистоту супругов, но чтобы осуществить в них и через них полноту жизни. Между девством и браком принципиально нет противоречия, и, если бы не совершилось грехопадение, Адам и Ева были первыми девственными супругами на земле»⁸. Мы видим вновь уже знакомое нам противопоставление в сфере пола порядка нездешнего, нормального и должного и порядка нашей эмпирической действительности, подверженной действию греха, а потому искаженной и далекой от нормы. Пол существует *до* грехопадения, *до* брака, *вне* брака и даже - вне и помимо дифференцированной половой функции. Сама природа человека - насквозь и всецело половая. Этого никак нельзя отрицать, как и того, что ни одному человеку никогда не удавалось и не удастся уйти от пола, победить

пол в себе. Это как никто другой прекрасно понимал и чувствовал Бердяев, сумевший выразить это столь колоссальное значение половой стихии предельно точно: «Пол относится не к части человека, а к целому человеку. Пол не есть одна из сторон человека - он захватывает и определяет всего человека. Если пол есть недуг, то недуг органический, а не функциональный недуг всего организма человека, всей его физики и всей метафизики»⁹.

Категории пола не есть только категории антропологические, но космические, предвечные категории. Исходя из этого, становится немного более понятным, почему Булгаков столь парадоксально утверждает отсутствие противоречия между браком и девственным целомудрием. Пол в человеке нельзя истребить. Можно только по-разному использовать его энергию. Целомудрие и полное отсутствие дифференцированного полового акта, его отрицание конкретным индивидом - это тоже своеобразное проявление жизни пола, целостность половой стихии. Так и брак, по изначальному определению и в соответствии с изначальной нормой, должен быть именно таким - целомудренным и безраздельным соединением двух половых стихий, словно двух сосудов половой энергии в один - единый, целый и нераздельный.

Любовь многогранна, антиномична по природе. Тем сильнее это свидетельствует в пользу того, что нам необходимо понять противоречия пола, *сознательно* поставить перед собой задачу любви, чего никогда еще прежде не делалось, чтобы целенаправленно противостоять смертоносной силе укоренившихся в половой стихии дисгармоний. Но понять смысл и задачи любви, тот идеал, к которому призывает присущая нам тендерная полярность, нельзя, не научившись *мыслить антиномически* - утверждать одновременно и одно, и другое, два противоположных и с точки зрения земной перспективы противоречивых утвержде-

ния, две равноистинных, но противоположных реальности, не впадая, однако, при этом в противоречие. «Как и все религиозные тайны, и эта есть антиномия для рассудка, попирающая закон тождества»¹⁰, - говорит Булгаков о тайне пола.

Любовь - не от мира сего и зовет нас в иной мир. В нашем мире любовь катастрофически трагична, болезненна, она влечет к смерти - к смерти здесь ради жизни там. «Высшая точка любви - соединение не двух, а четырех половин: две половины одной личности хотят соединиться с двумя другой. Два существа - в трех измерениях, четыре - в четырех. Вот почему здесь на земле окончательное в любви соединение есть нечто невозможное, как бы надевание левой перчатки на правую руку: этого нельзя сделать в трех измерениях можно только в четырех. «Тленному сему надлежит облечься в нетленное и смертному сему облечься в бессмертие» (1 Кор. 15, 53). Тленному браку - в нетленный, смертному - в бессмертный" . К осознанию этой огненной мистерии очень близко подходит Булгаков, и у него не возникает сомнений в том, насколько далек, сложен и высок идеал любви, насколько трудно даже приблизиться к его осуществлению в нашем мире. «Девственное соединение любви и супружества есть внутреннее задание христианского брака. <...> Задача эта так трудна, что даже и приближение к ней является чудесным. Жизнь пола с огненными ее антиномиями и трагическими ее надрывами есть наиболее чувствительный барометр религиозной жизни; здесь, в незримой миру интимности, совершаются победы и достижения, происходят поражения и срывы»¹². Вся мучительность и неодолимость власти греха в сфере пола человека как никому другому хорошо известна христианским аскетам. Они знают победы в борьбе с этой стихией и великую цену этих побед. Однако оздоровление пола, борьба с глубоко укоренившейся в нем болезненностью не есть только сила

отрицающего воздержания, Булгаков вводит важное понятие «безгрешности в поле» и, вновь ссылаясь на Священное Писание, говорит о норме пола как о духовно-теледном соединении в браке, где становятся «двое одной плотью», вновь обращается к идеалу христианского андрогинизма.

«Полный образ человека есть мужчина и женщина в соединении, в духовно-теледном браке. Каждый в отдельности есть получеловек, однако является самостоятельной личностью, ипостасью, имеет свою духовную судьбу. В недрах же духа всякий человек остается все-таки двуполым, потому что иначе невозможна была бы его жизнь. И духовный пол вообще бывает сложным, ибо каждая личность представляет собой индивидуальное и своеобразное смешение стихии мужской и женской. И этим обусловлена творческая напряженность, эротика духа»¹³. Половая дифференциация не только внешнее явление, но и внутреннее. Полу эмпирическому, словно в зеркальном отражении, соответствует пол трансцендентный, потусторонний. И здесь у порога невыразимой тайны замирают все слова и всякое человеческое знание. Тайна эта настолько велика, что человеку в его нынешнем эмпирическом «сейчас» невозможно приблизиться к ней, не сорвавшись либо в ересь, либо в безумие-*psychopathia sexualis*. Сейчас это все еще так, но Булгаков, а вместе с ним и многие другие верили, что настанет время и все изменится, а человек сможет шагнуть за пределы своей ограниченности к незакатному солнцу не вечернего Света, и то, что сегодня только ересь и половое безумие, однажды, быть может, станет новой единственно возможной и приемлемой нормой человеческого существования. Сейчас важна именно сама *постановка проблемы* сущности и значения пола в человеке - проблемы экспликации смысла феномена тендерной стихии, потому как такая сознательная и целенаправленная постановка проблемы всегда и везде есть

первый шаг к ее успешному разрешению, которое, мы будем надеяться, есть только вопрос времени.

Сущность, природа пола антиномична. И эта антиномичность только усугубляется противоречиями нашей падшей и несовершенной действительности, а норма пола для нас - лишь далекий идеал, библейская интуиция, орфический миф... названия могут быть какими угодно, но суть от этого не меняется. Тем не менее «мифическое» отнюдь не означает «несбыточное», «выдуманное». «Густо облако мифа, но и сквозь него просвечивает молния мистерии»¹⁴. «Что такое миф? Небылица, ложь, сказка для взрослых? Нет, одежда мистерии»¹⁵.

Многие русские философы, и в частности С. Н. Булгаков, остро и тонко почувствовали эту мистериальную основу идеи андрогинизма и много сил отдали тому, чтобы выразить и понятийно оформить это мистическое учение, сделать его доступным

для понимания как можно большего числа людей, а главное - для конструктивного использования антропологическими науками. Уже сейчас стало совершенно очевидным, что имеющихся в арсенале науки средств недостаточно для адекватного понимания и объяснения человека. Все чаще приходится слышать об открывающейся «метаантропологической перспективе», о переходе «от метафизики к метаантропологии». Быть может, составной частью этой «метаантропологической перспективы» и является идея андрогинизма и открывающийся за ней метагносеологический горизонт. Быть может, именно здесь лежит ключ к разгадке подлинной сущности человеческого бытия, а следовательно, ключ к метафизике счастья человека. В любом случае мы не можем оставить без внимания антиномии тендерной полярности человеческой природы, и они заслуживают самого пристального и детального изучения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гиппиус З. Мемуары Мартынова: Роман, рассказы. СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2007. С. 163.

² Бердяев Н. А. О назначении человека. О рабстве и свободе человека. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. С. 342.

³ Булгаков С. Н. Свет невечерний //Русский Эрос, или Философия любви в России / Сост. и авт. вступ. ст. В. П. Шестаков; Коммент. А. Н. Богословского. М.: Прогресс, 1991. С. 307.

⁴ Там же. С.307.

⁵ Бердяев Н. А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека. М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: «Фолио», 2004. С. 162-163.

⁶ Булгаков С. Н. Указ. соч. С. 308.

⁷ Там же. С. 309.

⁸ Там же. С. 308.

⁹ Бердяев Н. А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека. С. 163-164.

¹⁰ Булгаков С. Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. - М.: Республика. 1994. (Мыслители 20 века). С. 256.

¹¹ Мережковский Д. С. Тайна Запада. Атлантида-Европа. М.: Эксмо, 2007. (Антология мудрости). С. 373.

¹² Булгаков С. Н. Свет невечерний // Русский Эрос, или Философия любви в России. С. 311.

¹³ Там же. С. 313.

¹⁴ Мережковский Д. С. Указ. соч. С. 374.

¹⁵ Там же. С.38.